

Под вечер в потоке обозов и тыловых служб дивизии санитарная рота 517-го стрелкового полка, где политруком был Григорий Иванович Автушко, пришла в район сосредоточения 19-й армии.

30 сентября, когда дивизию отвели на отдых, санитарную роту разместили недалеко от деревни Раевки. Санитары вырыли добротные блиндажи и даже поставили железные печи. Начальника санитарной службы полка Ткачева спросили:

— Долго здесь будем стоять?

— Возможно, и зимовать тут придется, — королю ответил он. Ему поверили, потому что он имел связь со штабом полка и медсанбатом.

Второго октября на расвете усылали артиллерийскую канонаду, Сотни фашистских самолетов бомбили тылы армии. С того дня санрота не знала покоя. 7 октября вместе с командиром третьей минометной роты Барановым

погиб начальник санслужбы полка. Командование санротой принял способный и энергичный военврач 3-го ранга Лежненко. За политическую работу по-прежнему отвечал Григорий Иванович Автушко.

Во время октябрьских боев на полковой медпункт пострадавшие поступали **СПЛОШНЫМ ПОТОКОМ**. Если были ранены легко — приходили сами, тяжелораненых приносили бойцы. Автушко не мог привыкнуть к стонам искалеченных людей, то тихим, то раздирающим, обжигавшим его сердце. Два врача и шесть фельдшеров часами не отходили от раневых. Политрук роты останавливал автотомобили, рассаживал раненых и отправлял в санбат и полевые госпитали.

С седьмого октября автотомобили не возвращались за ранеными. К 11 октября в санроте не осталось ни одной лошади, а повозки и двуколки были разбиты снарядами.

Гитлеровцы догадывались, а может быть, и точно знали о нашем прорыве. Перед заходом солнца шесть фашистских танков начали наступление на левый фланг дивизии, приняв разведку боем. Три из них подбило, остальные отошли. Стемнело. Военврач Лежненко и политрук Автушко обходили окопы.

К ним приблизился старшина.

— Разрешите роту на-

кормить горячей пищей? — в голос старшины слышалась гордость. Они с поваром сумели сварить первое и второе блюда.

— Как вам это удалось? — спросил удивленный военврач.

— В сарае приспособились.

— Действуйте, старшина. Вначале накормите раненых, а потом всех остальных.

Командир и политрук роты стояли рядом и молчали: каждый думал о своем. В ближнем шопе разговаривали санитары.

— Андрей, удели малость патронов.

— У тебя, что, своих нет?

— Нет. Израсходовал все в цель.

— Больше двух не дам. У самого осталось восемь.

Ты у Митяя попроси.

— Твой Митяй, как и я, сам без патронов сидит. Плохо у нас с этим делом.

— А ты думаешь, у других лучше? Видел, сколько орудий везли, а снарядов-то к ним нет.

— Выходит, карабинами, как палками, будем драться. Подкрадемся к танкам и будем по броне прикладами бить и кричать: «Эй, фрицы, вылезай!». Так что ли?

— Так или не так, а в наступление все равно пойдем. Надо прорываться.

— Побьют нас не за понохов табаку.

— У кого какая судь-

ба, — равнодушно ответил Андрей.

Разговор санитаров прервал простуженный голос:

— Эй, земляки. Старшина за едой приглашает.

Старшина накормил всех, а под утро раздал сухим пайком остатки продуктов: каждому по три ложки муки, по четыре — пшенной крупы и по одной — сахару.

— Больше ничего нет и получать негде. — сказал он, взяв карабин и пошел готовиться к бою.

Утром 13 октября налетела вражеская авиация, начала обстрел артиллерия. Снаряды густо падали на окопы. Правофланговые подразделения перешли речку и стали подниматься на взгорье. Левый фланг броском преодолел водную преграду и оказался на противоположном берегу.

Рядом шли военврач Лежненко и политрук Автушко, старшина, санитары и врачи, ездовые и легкораненые — все в одном строю с винтовками и карабинами наперевес. У одних было немного патронов и гранат, у других их не было вовсе. Людьями, готовыми к штыковой атаке, руководила одна-единственная мысль: только бы немцы подпустили их поближе. Как вола, они смяли вражескую пехоту и продолжали продвигаться вперед. Внезапно на правом фланге среди атакующих возникло замеша-

тельство. Их встретил развернутый строй фашистских танков и самоходок, из которых велась прицельная стрельба, заставившая откатиться на исходные позиции.

В своем тылу Автушко увидел зенитные орудия в конной упряжке. Он кинулся к ним, разыскал командира и попросил поддержать пехоту огнем.

— Пушки к бою! Коней в укрытие! — скомандовал молодой лейтенант-артиллерист.

Зенитные орудия открыли стрельбу по фашистским танкам и самоходкам. Пехота продолжала наступление. Появление на поле боя нескольких наших танков и легких танкеток для немцев было большой неожиданностью. Они подтянули свежие силы. Жестокая схватка переместилась на левый фланг наступающих подразделений и продолжалась весь день.

В том бою Григорий Иванович Автушко был ранен и контужен. Пришел в сознание только на следующий день. Огляделся. Лежит под елью. Возле него раненые бойцы. От них он узнал: какой-то врач, не то казах, не то киргиз, перевязал его, нашел двух добровольных доноров и сделал переливание крови. Пошел оказывать помощь другим, обещал вернуться, но не пришел. Это был врач Алим Альянович Сандыбаев, вместе с которым Григорий Иванович призывался па действительную службу. Увиделся случайно через 31 год на станции города Семипалатинска. Встреча, по словам Автушко, была неповторимой. С гордостью вспоминали они своих боевых товарищей из далекого 1941 года.

Н. БУГРОВ.